ИЗВЕСТИЯ

ОБЩЕСТВА

Археологии, Истории и Этнографии

ПРИ

Казанском Университете.

ТОМ XXX. **ВЫПУСК 2.**

Содержание:

Н. П. Грацианский. К критике capitulare de villis . . . . . 129—150.

С. П. Шестаков. Завещание общинного врача Фебаммона . . 151—165.

Н. А. Бобровниксв. Об учреждении Востоковедной комиссии . 167—174.

Н. А. Бобровников. Об экспедиции для обследования языка и быта вотяков . . . . . 175—187.

Н. А Бобровников. Текущая работа Общества Археологии, Истории и Этнографии и восстановление Восточного факультета в Казанском Университете . . . . . 189—210.

В. К. Магницкий. Школьное образование и некоторые черты религиозно-нравственной жизни чуваш Ядринского уезда (по архивным документам) . . . . . 211—239.

Н. В. Никольский. Биография В. К. Магницкого . . . . . 239—242.

Н. В. Никольский. Печатные работы В. К. Магницкого . . . . 242—243.

Н. В. Никольский. Что читать по истории, этнографии и археологии народностей Поволжья? . . . . 244.

Протоколы Общих Собраний и заседаний Совета Общества Археологии, Истории и Этнографии при Государственном Казанском Университете за 1919 год . . . . 1—12.

КАЗАНЬ.
1-я Государственная Типография.
1919.

Школьное образование и некоторые черты религиозно-нравственной жизни чуваш Ядринского уезда (по архивным документам).*)

Пересмотрев небольшую связку архивных бумаг, хранившихся в Шуматовском волостном правлении, Ядринского уезда, за время с 1802—1854-й год, я отобрал из нее, между прочим, бумаги, касающиеся школьного образования чуваш и христианского просвещения их в указанные годы. Указанные документы представляют, по моему мнению, немаловажный исторический интерес, и потому я решился сделать их общим достоянием, по возможности, в дословных выписках.

Изложение документов я позволю предварить сообщением некоторых, известных мне, исторических данных о Ядринском уезде.

Из актов, собранных по Казанской губернии С. Е. Мельниковым, видно, что город Ядрин и Ядринский уезд существовали уже в XVIII столетии [1]). В грамотах, выданных—в 1621-м году ясачному чувашенину Свияжского уезда, деревни Чиркины (что ныне Тетюшского уезда), Бекбулатке Бегишеву [2]) и в 1637 году Свияжскому служилому татарину Бекбулатке Колчурину (кажется, все тот же

---

*) Эта статья написана В. К. Магницким († 1901 г.) в 1899 г. **Н. Никольский.**

[1]) Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний. Т. I. Казань. 1859 г., стр. 8, 13—31.

[2]) Этот самый ясачный *чувашин* Бекбулат-ко (он же Акбулат-ко, Екбулат-ко) в последующих актах, собранных Мельниковым, именуется уже служилым *татарином*, как и отец его Бегиш Колчюрин и дед Колчюра, владевшие при деревни Новые Чирки да за засекою, за Булынскими вороты, за горою Куштовою (что ныне также в Тетюшском уезде) поместною землею, которой домогался и Бекбулат-ко Бегишев, сам имевший в рабстве „полоняника немецкого полону“ (стр. 11—13). Тем, несомненно, обстоятельством, что *чуваш* в Москве долго и по завоевании Казани, как и в самой Казани, именовали русские *татарами*, как я убедился в этом по нескольким печатным и рукописным грамотам, об'ясняется тот факт, что имя чуваш в исторических актах начинает встречаться лишь в 1-й половине XVI столетия. Бывший ад'юнкт-профессор Казанского университета

чувашин Бекбулатко, по отчеству Бегишев, и по родовой фамилии (по деду) Колчюрин), упоминаются в Ядринском уезде, между прочим, деревни: Сорма и Шигалинская; эта последняя оффициально именуется в настоящее время Янбахтина (по чувашски Шигаль), родовое же название Сорма (по чувашски Сорым) носят 7 „сельских обществ", из коих каждое состоит из нескольких отдельных околодков, и 2 села: чувашская Сорма и русская Сорма, принадлежавшая в прошлом столетии Преображенскому монастырю, „что (был) близь Чебоксар" и числившаяся тогда в Чебоксарском уезде.

В списанной мной и неопубликованной копии с рукописной грамоты царей Иоанна и Петра Алексеевичей, данное в ноябре 1692 года чуваше Ядринского уезда Пихшичке Чебакову с товарищи, кроме названной деревни „Сорма", в Ядринском уезде упоминаются еще деревни: Хочашева (что ныне село Хочашево), Яушева [1]) и Акказева [2]). В этой грамоте, данной „черемисе" на право владения рыбными ловлями в пяти озерах, что на правой стороне р. Суры, вниз от г. Ядрина, в из'ятие их из владения строителя Ѳролищевой пустыни с братией Нижегородского уезда, между

Василий Афанасьевич Сбоев (из питомцев и преподавателей Казанской духовной семинарии) еще в 1846 году высказал в очерке „О быте крестьян в Казанской губернии", напечатанном в „Казанских губернских ведомостях" и изданном в 1856 году Казанским книгопродавцем Дубровиным особой книжкой, что *„татар нет на свете, да и быть не может; ни один в мире народ, ни одно поколение не присвоивает себе названия: „Татары"* (стр. по изд. Дубровина 12); но это справедливое указание В. А. Сбоева до сих пор всеми игнорируется. Населяющие Казанскую и другие поволжские губернии, так называемые русскими, „татары" в действительности во 1-х омагометанившиеся в разное время главным образом *„чуваши"*, именующие теперь сами себя татарами по старому названию их этим именем русскими, и во 2-х „мишари", именуемые русскими лишь в некоторых только губерниях „мещера", „мещеряки", а чувашами, между прочим, и мордвой—эрзя *„мижер"*, откуда летописное русское название их „можары". В особенном обилии *„мишари"* в Казанской губернии, как известно, встречаются в уездах Чистопольском и Спасском и частию Цивильском и Лаишевском—в этом последнем, между прочим, в селе Карабаянах, где они в отличие от „крещенных татар", носят по своей национальности фамилию „Мещеряковы".

[1]) С фамилией: „Яушев" было несколько инородческих *„князей"*, владевших при русских государях поместными землями в Казанской и Вятской (ныне) губерниях.

[2]) Названия: Акказева, Акказина, Аккозина носят несколько деревень в Казанской и Вятской губерниях, населенных чувашами, черемисами, башкирами и русскими. Значение этих названий об'ясняется от *„ак"* (татар.)—белый (благородный) и *„козя"* (тат., чуваш. *„хозя"*, в сочетании с другими словами—*„гозя"*, *„гос"*, персидск. *„ходжа"*), хозяин, господин, богач и т. д. Противуположные названия: Коргуза, Каргузи, Карагось-по русской транскрибции, татарами выговариваются Карагозя, от *„кара"* (татар., чуваш. *„хора"*)—черный (неблагородный) и „козя"—*„гозя"*. И то, и другое название деревень указывают на существование среди Казанских инородцев в былые времена привеллигированных землевладельцев (помещиков), различавшихся по происхождению *„ак" „козя"* и *„кара гозя"*.

прочим, говорится, что деды и отцы челобитчиков—чуваш владели озерами с того времени, как „ставлен г. Ядрин". По этой же грамоте можно предполагать, что Ядринский уезд в XVII столетии с одной стороны граничил с „Нижегородским уездом".

В XVIII столетии города: Ядрин, Курмыш и Алатырь с их уездами составляли „Алатырскую провинцию", подчинявшуюся Нижнему Новгороду. 28 апреля 1748 года из „Алатырской канцелярии ревизии мужеска полу душ", между прочим, дана была „выпись (из 2-й ревизии) Ядринского уезду Сорминской волости новокрещенского села Преображенского, Сорма—тож, сотнику Алмекею Ягуткину, по крещении Андрею Алексееву, рядовым: Янгирею Тебееву, по крещении Григорью Максимову, (и) Тогаче Татарúнову, по крещении Василью Алексееву", найденная мной в подлиннике в архиве Шуматовского волостного правления. Неизвестно, с какого времени, село Преображенское, Сорма—тож подчинялось до конца 1823 года Шуматовскому волостному правлению [1]).

Современные границы Ядринского уезда окончательно были установлены после открытия в Нижнем-Новгороде 22 декабря 1779 года Нижегородского наместничества, ко дню открытия коего предназначено было отчислить из Ядринского уезда в его старых пределах в Казанское наместничество 7,600 душ с г. Ядриным [2]). К сожалению, только что из процитированных источников не видно, в каких именно селениях жили отчисленные в Казанское наместничество 7600 душ, а также, в состав какого уезда вошли селения, бывшие в Ядринском уезде.

Из заголовков „метрических книг", хранящихся в церквах Ядринского уезда с 1780 года, видно, что большинство сел этого уезда до 1791 года продолжало оставаться в ведении Нижегородской епархии и до указанного года подчинялось Курмышскому духовному правлению. Отсюда ясно, что материалы для истории возникновения большинства сел Ядринского уезда следует искать не в Казани, а в архивах Нижегородской епархии.

---

[1]) В 30-х годах село Преображенское, Сорма-тож, входило в состав бывшей Абашевской волости, волостное правление коей находилось на квартире в одном из приходских этого села околодков Пантлей—по транскрибции приходского духовенства, Панклеи—по волостной транскрибции. Название этих околодков и сейчас пишется и печатается то так, то—иначе, что крайне затрудняет изучение местной хорографии.

[2]) „Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии". Нижний-Новгород. 1894 г. Выпуски 12—14, стр. 74 и 77.—„Учреждение Нижегородского наместничества" (по архивным документам) *И. Юдина*. „Волжский Вестник" (газета), № 29-й 1898 г. Его-же: К истории „Синбирской земли"; „К истории среднего Поволжья". „Волж. Вест." №№ 364 и 328-й за 1897-й.

I.

Из светских учреждеиий, если не ошибаюсь, первую попытку школьного образования Казанских инородцев сделал Казанский университет. Об этом свидетельствует следующий (подлинный) „Приказ Ядринского земского суда Шуматовскому волостному правлению".

„В присланном в суд сей предложении г-н правящий должность гражданского губернатора, Казанский вицегубернатор от 30 июня за № 3560-м суду сему из'ясняет, что совет Казанского университета, предложив учреждение подвижных ландкастерских школ взаимного обучения для черемисов, чувашей и других племен, уведомил его (вице-губернатора), что в настоящее время учебному начальству нужно иметь местные сведения о возможности, средствах и местах учреждения оных подвижных училищ и просит в том его содействия, вследствие чего предписывает суду сему собрать все нужные сведения о том: возможно ли учредить в ведомствах их означенные подвижные ландкастерские школы для черемисов, чувашей и прочих племен? Если усмотрена будет возможность, то какие средства к учреждению оных могут быть употреблены и в каких именно селениях по ближайшему их усмотрению оные предложить можно. Приказали: с прописанием предложения оному волостному правлению предписать (и предписывается) сим приказом с тем, чтоб оное об'явило жителям, не желают ли иметь для обучения детей своих школы и, отобрав в том подписку, представили в суд сей немедленно. Августа 4 дня 1822 года. Исправник Высоцкий. Секретарь Соболев. Канцелярист 14 класса Иван Коровин".

В ответ на этот „приказ" Шуматовское волостное правление, как видно из „отпусков", рапортом от 23 августа за № 80-м донесло, что оно „по здешней волости об'явление обывателям чинило, в чем отобранная от обывателей подписка прилагается при сем".

„Черновик" (отпуск) подписки гласит следующее: „1822 года августа 15-го дня (в храмовой праздник в селе Шуматове) Ядринского уезда Шуматовской волости ниже писанных селений (список их не приложен) обыватели, ясашные из чуваш крещеные, будучи по повестке на мирском волостном сходе, дали сию подписку в том, что, выслушав об'явленный нам „приказ" Ядринского земского суда, присланный в волостное правление с из'яснением в оном предложения г-на правящего должность гражданскаго губернатора, Казанского вице-губернатора относительно.... ландкастерских школ... на учреждение означенных подвижных ландкастерских школ для обучения своих чувашских и других племен детей *желание не имеем*, в чем и подписуемся".

Отказ этот вызвал то, что в последующее время дети обывателей Шуматовской волости, по назначению Казанской казенной

палаты, для школьного образования обязательно, в числе двух с волости, ежегодно высылались в Ядринское уездное училище [1]), как это видно из двух следующих документов (в копиях):

1) Приказ Ядринского земского суда от 30 июля 1837 года за № 2436-м „всем волостным правлениям" следующего содержания: „Согласно *прежним* предписаниям, от суда сего во оные правления посланным, для обучения в Ядринском уездном училище, *избрать от каждой волости по два человека мальчиков*, и выслать их непременно к 3-му числу августа (в самый разгар полевых работ) в Ядринское уездное училище. В противном случае за неисполнение предписаннаго, взыщется строго. К подлинному приказу вместо подписи сельского заседателя (приложена) печать. Скрепил за (секретаря) Суворов".

2) „Приказ Ядринского уезда пристава 1-го стана Балдаевскому, Тораевскому, Шуматовскому, Абашевскому, Шатьминскому и Бибарсовскому волостным правлениям: Вследствие предписания правящего должность Ядринского земского исправника (дворянского заседателя Гурылева) от 17 августа за № 144-м, предписывается оным правлениям мне в немедленном времени донести, отправлены-ли назначенные Казанскою казенною палатою для обучения мальчики в Ядринское уездное училище? по скольку человек с каждой волости? Сколько предписано употребить на содержание их и с одеждою-ли или без оной? Августа 31 дня 1838 года № 658-е. Подлинной подписал становой пристав Михайлов. Писарь Крынецкий [2]).

В 1838-м году „духовным начальством" приглашено было к учреждению школ *сельское приходское духовенство*, как это видно из следующего „приказа", только что названного пристава Михайлова перечисленным волостным правлением:

„Ядринский г. земский исправник (Головкинский), от 13-го сего сентября за № 263-м в предписании мне из'яснил, что из некоторых, собранных г. старшим членом Казанской комиссии приуготовительных распоряжений по приему государственных имуществ, сведений, открывается, что, по распоряжению духовного начальства, заводится в каждом уезде в казенных селениях училища для обучения детей казенных поселян, под руководством священо-церковно-служителей, и уже таковые в некоторых уездах Казанской

---

[1]) Под именем „Малое народное училище" открыто в 1791-м году. В 1891-м году Ядринское уездное училище праздновало столетие своего существования, но исторической записки не опубликовало.

Изложение приемов обучения по методе Ландкастера см., между прочим, в очерке В. Ѳ. Люстрицкого: „Михайловское приходское училище в Казани". Казань. 1888 г.

[2]) Иван Захарович, Ядринский мещанин.

губернии, хотя частно, но впредь до утверждения оных, существуют. На сей конец просит доставить к нему, как возможно поспешнее, самовернейшие сведения: в каких именно селах заведены таковые училища? сколько в оных учащихся и кто преподаватель учению? Равно и о тех, которые хотя и не открыты, но предполагаются быть учрежденными, с об'яснением: из каких оные училища сумм или особенных сборов содержатся? Каковые сведения собрать г. земский исправник возложил на меня. О чем, предписывая оным правлениям, вменяю в обязанность, как можно скорее озаботиться сведения сии доставить ко мне без отлагательнейшего упущения; в противном случае вся медленность останется на их ответственности. Сентября 28 числа 1838 года. Подлинный подписал становой пристав Михайлов. Писарь Крынецкий".

Приказ этот вызвал со стороны Шуматовского волостного правления следующий „запрос", от 3 октября за №№ 243—245-м, священно-церковно-служителям сел: Шуматова, Шумшеваш и Хочашева:

„Приказом 1-го стана пристав г. Михайлов, от 25-го истекшего сентября за № 749-м, правлению сему предписал о доставлении сведения: в каких именно селах заведены училища для обучения поселянских мальчиков грамоте? Сколько во оных учащихся и т. д. (повторяются приведенные уже вопросы)? А как сему правлению известно, что у вас находятся в обучении поселянские мальчики, то спрашивается: сколько именно оных, из каких они селений; и кто оным преподаватель учения; и на каком они находятся иждивении? И по учинении сего, надписав на обороте сего, подлинный (запрос) возвратить с сим же посланным.—Октября 3-го дня 1838 года. Волостной голова Яков Петров приложил волостную печать. Волостной писарь Крынецкий.

Шуматовский причт надписью на обороте „запроса" ответил так: „В селе Шуматове обучающихся новокрещенских детей мужского пола 15 человек, разных селений, а именно: Шуматовских 7, деревни Ордашевой 1, деревни Килдишевой 3, деревни Янасал [1]) 4. Сии мальчики, за неимением училищного дома, обучаются частно в домах священно и церковно-служителей, самими хозяевами оных

[1]) Состояла из 11-ти околодков. В 1884-м году десять из них составили самостоятельный Александровский (в просторечии Янасальский) приход. Деревянная церковь в нем 27 февраля 1884 г. перевезена из села Шуматова, где к тому времени освящена была вновь выстроенная каменная церковь. Местом постановки ея избран был „околодок *Ой кассы*, с родовым названием Янасал (от янга (татар.) и „сала" (тат.)—селение, деревня, село) как село в просторечии и называется; оффициальное же его название „Александровское" и сейчас мало кому известно. По записанному мной своевременно рассказу моего покойного родителя, перевозка в Янасалы разобранной деревянной церкви ознаменовалась

домов. Содержание мальчики получают от своих отцов. Книги для первоначального обучения доставлены оным ученикам на церковные деньги".

Ответ никем не подписан; написан же он хорошо мне памятной рукой бывшего моего в школьные годы духовного отца и товарища по священству моего покойного родителя, священника Павла Петровича Золотницкого [1]). Год, месяц и число в ответе не обозначены; не сделана помета времени получения его и в волостном правлении.

Из членов причта в 1839-м году занимались в селе Шуматове обучением грамоте чувашских мальчиков, между прочим, дьякон Иван Алексеевич Цветков и дьячек Гавриил Иванович Державин; у первого из них обучалось 3 мальчика, а у второго, вместе с его собственной Синклитикией 2. О дьяконе Цветкове в корреспонденции из села Шуматова сообщается, между прочим, что он, не зная

таким событием: Утром того числа, в которое должна была начаться перевозка, начало и конец улиц в селе Шуматове и соседней деревне „Анат,—Снар", где пролегал ближайший путь возчикам, оказались перекопанными глубокими рвами". После выяснилось, что побуждением к устройству преград был страх, распространившийся среди чуваш названных селений, что они, вследствие провоза чрез их селение упраздненной церкви, *„должны все умереть"*. Таким образом возчики вынуждены были ехать в об'езд.

[1]) О. Павел Петрович Золотницкий был сын безфамильного священника села Шуматова Петра Яковлева. Дед его Яков Андреев был священником в том же селе Шуматове, в котором скончался 12 марта 1801 г., 56 лет, от чахотки, „без покаяния", как значится в метрической записи. Родился Павел Петрович августа 16 дня 1802 года и 9-го сентября того же года был уже восприемником сына новокрещенного села Шуматова Федора Тимофеева (см. № 47-й метрической книги). Запись дня рождения его сделана рукой его отца, без обозначения имен матери и восприемников его, а именно так: „Тогож села священника Петра Яковлева сын Павел"—и только. Образование получил Павел Петрович в Казанской дух. семинарии, в которой кончил курс в 1-м разряде. Женат он был на дочери священника села Оринина, Козмодемьянского уезда, Надежде Алексеевне (фамилии отца ея не знаю), от которой имел трех дочерей, выданных в замужество за священников. По открытии в 1843-м году в селе Шуматове „сельского приходского училища, ведомства Министерства Государственных Имуществ (см. Народные училища в Казанской губернии. Ядринский уезд. (Материалы для истории народного образования". Казань. 1888 г. стр 70—73), Павел Петрович был в нем дважды учителем, при чем училище не раз занимало квартиру в его доме. В обучении чувашских детей грамоте ему часто помогала его достопочтеннейшая супруга Надежда Алексеевна, умевшая не только читать, но и писать, что в ее время в семействах сельских священников было редкостью. Незадолго до смерти Павел Петрович Золотницкий уступил свое место с домом и усадьбой священническому сыну села Хочашева Николаю Григорьевичу Целерицкому, женившемуся на его внучке Венедиктовой, и подписывался после того с добавлением к своему званию „заштатный" (наприм. в 1871-м году). К сожалению, записки о времени его смерти мне отыскать не удалось; супруга же его Надежда Алексеевна скончалась *вдовой* 23-го августа 1875 года.

чувашского языка, заучил фразу по чувашски: „Харс калыр", т. е., „враз говорите", которую и практиковал при показывании своим ученикам букв, называя их: „аз", „буки" и т. д., и что он слыл человеком начитанным и т. д. Год начала обучения мальчиков в корреспонденции обозначен ошибочно [1]).

Шумшевашский причт на особом, вложенном в запрос, полулисте ответил так:

„По запросу оного правления, от 3-го октября сего 1838-го года за № 244-м.... (повторяется содержание запроса), сим имеем отнестись, что по распоряжению нашего духовного начальства, в силу секретного указа Святейшаго Синода, поступившего от 12-го мая за № 5528-м, обязались мы, священно и церковно-служители, все обучать поселянских мальчиков в собственных своих домах, на собственном их иждивении, без всякой за то платы; а кто такие ученики и из каких они околодков, ниже сего показываем, именно: по 1-й части: священника Льва Муратовского:

В околодке Шумшевашах:
1-й Тимофея Степанова сын Александр.
В околодке Прошкином (по чуваш. Праш ошкынь):
2-й Ивана Семенова сын Василий.
3-й Ивана Семенова-ж сын Алексий.
В околодке Шумшевашах:
4-й Дмитрия Григорьева сын Ефрем.
5-й Егора Тимооеева сын Григорий.
В околодке Исмендерах:
6-й Степана Егорова сын Ѳеодор.
7 й Григорья Гаврилова сын Матѳей.
В околодке Якейкином (Як ошкань):
8-й Ивана Герасимова сын Исаий.
9-й Степана Иванова сын Ѳеодор.
10-й Петра Иванова сын Александр.
11-й Максима Михайлова сын Игнатий.
В околодке Выле:
12-й Луки Васильева сын Сергей.
13-й Василия Антонова сын Григорий.
14-й Якова Тихонова сын Сергий.
В околодке Токтамышах:
15-й Дмитрия Семенова сын Степан.
по 2-й части: священника Симеона Беляева:
села Шумшеваш:
1-й Ефима Иванова сын Григорий 7 (лет).
2-й Отданного в военную службу Ивана Игнатьева сын Петр.

[1]) „Волжский Вестник". 1895 г. № 224.

3-й Отданного в военную службу Николая Афанасьева сын Иван.

деревни Прошкиной:

4-й Петра Ѳеодорова сын Григорий.

5-й Антона Ѳеодорова сын Николай.

деревни Акташей [1]).

6-й Герасима Алексеева сын Иван.

7-й Семена Яковлева сын Василий.

8-й Сергея Григорьева сын Михаил.

9-й Ѳеодора Васильева сын Петр.

деревни Ишпараевой [2]):

10-й Даниила Васильева сын Егор.

деревни Ишменевой [3]):

11-й Василья Никифорова сын Ѳеодор.

12-й Ѳеодора Васильева сын Иван.

13-й Никиты Петрова сын Иван.

деревни Токтамыш:

14-й Ивана Михайлова сын Василий.

15-й Петра Стефанова сын Иван.

16-й Петра Андреева сын Герасим.

По части священника Афанасия Васильева Артизанова:

в селе Шумшевашах:

1-й Еремея Иванова сын Ѳеодор.

2-й Григорья Якимова сын Ѳеодор.

3-й Андрея Иванова сын Иван.

Деревни Исмендер:

4-й Николая Семенова сын Петр.

5-й Якова Никитина сын Иосиф.

6-й Якима Тихонова сын Иван.

7-й Петра Иванова сын Корнилий.

8-й Стефана Матвеева сын Василий.

Деревни Пагиш [4]):

9-й Василья Ѳедорова сын Иван.

10-й умершего Ѳедора Ѳедорова сын Егор.

Деревни Ямаш (ныне село):

11-й Николая Егорова сын Кодратий.

12-й Василия Михайлова сын Гавриил.

Деревни Кадей:

13-й Егора Ѳеодорова сын Семен.

14-й Григорья Семенова сын Козма.

---

[1]) После приходская деревня села Ямаш Больших.

[2]) „Ишпараева"—часть деревни Сорам-пось. (Сурам-пуç).

[3]) Часть деревни Сорам-пось. В волостных списках ни Ишпарай, ни Ишменеева самостоятельными селениями не пишутся.

[4]) Ныне неправильно пишется: „Багишева", вместо" Пагыш"—по чувашски.

Обучение же сих *вышепоказанных мальчиков еще не начато и определительно не можем сказать о начатии оного.* В чем свидетельствуем: села Шумшеваш: священник Лев Муратовский, священник Симеон Дмитриев Беляев, священник Афанасий Артизанов".

Ответ этот без обозначения года, месяца и числа, написан, видимо, рукой о. Беляева.

Причт села Хочаш изложил свой ответ на обороте „запроса" в такой форме:

„По Шуматовской волости, по приходу села Хочашева приходских деревень:

Деревни Яушевой	10	Означенное количество из деревень приходских учеников поселянских находятся все на квартирах в околодке церковном на пропитании отцев; учение преподается по очереди всеми тремя штатами в вновь выстроенной церковной караулке всем вместе.
Деревни Аказиной	11	
Деревни Ямашевой	3	
Деревни Кадеевой	(3)	
Итого	24	

Села Хочаш священник Тимофей Цветков. Тогож села священник Константин Михайлов Баконов, диакон Александр Михайлов Астрицкий, пономарь Петр Иванов„.

Ответ без обозначения года, месяца и числа, написан рукой священника Цветкова.

Насколько успешно пошло обучение мальчиков грамоте под руководством священно-церковно-служителей, видно из следующего „Приказа Ядринского земского суда всем волостным правлениям":

„Сообщением, благочинный города Ядрина, Троицкой церкви протоиерей Алексей Николаев, от 7-го ноября за № 63, суду сему прописывает, что воли благочестивейшаго Государя нашего благоугодно явилось повелеть завести повсеместно домашние (школы для) обучения обывательских детей чрез приходских их священно-церковно-слу́жителей. Вследствие чего в его ведомстве, как-то в (селах: Балдаеве, Шемердянове, Хочяшеве, Шумшевашах, Аликове, в Селоустье [1]), Шуматове, Тораеве, Ядринѣ, Чурашеве и Выле [2]) в

[1]) До 20-х годов XIX столетия село это писалось: „Село Никольское, Селоуси—тож, от чувашского названия его: „Селавысь", „Селась", в 30-х годах русское народное название его: „Селоуси" в документах стало изменяться в „Селоустье" и „Селоусьи", а в 40-х оно окончательно превращается в село „Устье", как оно без всякого основания сейчас и пишется в оффициальных документах. Любопытно, что в то время, как приходские священники начали писать название села сокращенно „Устье", один из членов причта дьячек продолжал подписываться: „Михаил *Селоустьев*".

[2]) Под этим названием село только и известно оффициальному миру; в просторечии же оно именуется всеми русскими не иначе, как „Чиганары", а

начале нынешнего 1838 года и было соглашено на обучение сих детей довольное количество как русских, так и чувашских; между тем как обучение почти нигде досель не начинается еще, кроме Хочашева, Шуматова и Селоустья. Причиною сему, как он наведался, суть разные толки, вышедшие от неблагонамеренных и нездравомыслящих людей, а именно: 1-е яко-бы дело сие распространяется только на одних охотников, а нежелающие яко-бы нимало к сему не обязываются; 2-е яко-бы велено обучать детей грамоте для того, чтоб после составлять из них казачьи и другие полки. Сии два толка, особенно последний, так сильно действует на умы легкомысленные и легковерные, что все почти обыватели ни под каким видом не соглашаются более отдавать детей своих на обучение сие. Того ради, осведомясь о сем, он вынужденным нашелся сообщить о таковом безрассудном упорстве обывателей сих в суд сей и просить, чрез кого следует, совершенно в этом разуверить обывателей помянутых селений, включив и (помещичьи) деревни: Полянки, Иваньки, Никитино, (а также) живущих при городе Ядрине казенных крестьян, что была „солдатская пятина", и всемерно побудить их и обязать к бесспорной отдаче детей своих во обучение сие, с той уверенностию, что сия воля Государя Нашего, яко отеческая, клонится единственно к собственной всякого пользе, благосостоянию и благополучию, а не к от'пятию детей в службу каковую либо. Приказали: с прописанием сего о внушении обывателей Ядринского уезда, что слухи, якобы обучающихся возьмут после в казаки, несправедливы, а напротив того цель сего есть та, что из обучающихся могут приготовиться в сельские, а потом и в волостные писари [1]). предписать и предписывается оным волостным правлениям циркулярно, а о наблюдении засим дать (и дано) знать становым приставам.—Ноября 16 дня 1838 года, № 3958. Подлинный

чувашами—„Чаканар." Невыгода употребления оффициального названия: „Выла" та, что оно самих оффициальных лиц, на первых порах их деятельности, приводит вместо устья р. Выпы, где расположено село „Чиганары", в верховья этой реки, в чувашские деревни с названием „Выл", Шумшевашского прихода и соседнего с ним (У)раскильдинского, Курмышского уезда, Симбирской губернии. Насколько авторитетны были установители письменных русских названий для инородческих селений, можно судить по следующим *уничтожительным* названиям чувашских деревень в Ядринском уезде: *Ванькина* вместо Ванек ошкынь, *Васлейкина*—Васли кассы, *Васькина*—Вась-кассы, *Никиткина*—Еже кассы, *Олешкина*—Элеш ошкынь, *Рыковкина*—Рык ошкынь, Якейкин—Як ошкынь и т. д. и т. д. Или же: *Олухи* от русского: „Олух, глупец" вместо: „Олых кассы"—по русски: луговой выселок, иначе: „Выселок на лугу"; *Шавранчик* и *Шавранчик*—вместо: „Шаранчик. А также: *Кума* кассы—Кумак кассы; *Мусирма* вместо: „Мун Çырми" (большой овраг)—село Цивильского уезда и т. д.

[1]) Из боязни между прочим, писарства русские земледельцы, а нередко и инородцы в былые годы и устраняли своих детей от оффициальной грамоты.

подписал: дворянский заседатель Гурылев. Скрепил секретарь Суворов. Справил столоначальник Альбинский. Писарь Крынецкий [1]).

II

В конце июня 1837 года Ядринский уезд посетил миссионер, о. архимандрит Чебоксарского Троицкого монастыря Самуил [2]). Событие это вызвало, между прочим, следующую переписку:

1) „Приказ волостным правлениям". „Миссионер, Чебоксарский архимандрит Самуил, по распоряжению правительства, 19 числа сего июня прибудет в село Чемеево [3]), от-коль по порядку будет проезжать весь Ядринский уезд; почему предписываю волостным правлениям в законных его требованиях оказывать все возможное и незамедлительное с своей стороны пособие; а на счет посылок и сбора людей каждое волостное правление, в которой волости он находиться будет, обязано командировать к нему волостного старосту, чтоб он находился без'отлучки, доколе из волости их не выбудет".

„Относительно подвод для проезда, отвода и очищения приличных сану его квартир учинили-б его распоряжение.—17-го июня 1837 года. Г. Ядрин. Подлинной подписал: исправник Головкинский.

„P. S. с приезда отца Архимандрита в волости волостной голова и писарь обязываются явиться лично, для оказания ему вежливо-

---

[1]) Достопочтеннейший о. протоиерей Алексей Николаевич Николаев, вызвавший приведенный „Приказ", как я узнал от моих родных, был сын священника села Тораева, где родной его дядя Спиридон был дьячком и приходился по учению в Казанской дух. семинарии, если не ошибаюсь, товарищем упомянутому выше священнику П. П. Золотницкому, с которым он был дружен до смерти. Женат он был на дочери священника села Оточева, Ядринского уезда, Анастасии Петровне Палениной. Родной брат Анастасии Петровны, священник села Оточева Аѳанасий Петрович Паленин был долгое время благочинным 2-го Ядринского благочиния, в 30-х годах. Тихий и кроткий, о. протоиерей вследствие застенчивости был необщительный, или, как его называли, „нелюдимый". В г. Ядрине он долгое время был законоучителем местного уездного училища. Товарищем его по 2-му благочинию в 50-х годах после о. Паленина был долгое время священник села Торбиковой Сугути (по чувашски Анат Сугут) Матвей Петрович Вишневский, родной брат покойного кафедрального протоиерея г. Казани Виктора Петровича Вишневского. По смерти А. Н. Николаева его заступил в г. Ядрине М. П. Вишневский.

[2]) Об учреждении миссии в Казанской епархии см. „Изложение хода миссионерского дела по просвещению Казанских инородцев с 1552 г. по 1867 год". Исследование Ап. Ѳ. Можаровского. Москва. 1880 г. стр. 160.—„О новокрещенской конторе". Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании Казанской дух. академии 1878 г. экстра-ординарным профессором, священником Евѳимием Маловым.

[3]) Состояло и состоит в 1-м благочинии, но в приведенном сообщении о. протоиерея Николаева почему-то не упомянуто. Часть приходских деревень села Чемеева находится в Козмодемьянском уезде, как и соседнего села Ядрина (по чувашски „Чуваш Етрине"—определительное: „Чуваш" в отличии от г. Ядрина).

сти, и, не прося приказаний, оставить тут волостного старосту" [1]).

Пометы на „приказе" сверху: „№ 272. Копия списана 22-го июня 1837 года".

2) Отношение „Ядринского уезда Балдаевского волостного правления за № 231-м от июня 23 дня 1837 года в Шуматовское волостное правление":

Сего июня 23 дня, прибыв ведомства сего (правления) в село Никольское, Хочашево—тож, Чебоксарский миссионер, архимандрит Самуил, и коим требуется в немалом количестве к литургии 24-го числа сегож м-ца оной церкви прихожан для внушений им поучений к православной христианской вере; а потому правление сие о законном его требовании долгом почло, для собрания прихожан употребить законное пособие, которое сим правлением чинится. А как еще есгь под ведомством оного правления селений прихожане к оной же церкви, и посему случаю благоволит оное волостное правление всех прихожан к упомянутой Никольской церкви 24-го числа сего м-ца к божественной литургии выслать без промедления времени. Волостной голова Егор Михайлов приложил волостную печать. В должности писаря Челошкин".

3) „В Шуматовское волостное правление села Шумшеваш от священно и церковно-служителей".

„По повестке, данной нам от Его Высокопреподобия, о. миссионера, Архимандрита Самуила, о сборе народа, принадлежащего к нашей церкви, как-то: села Шумшеваш, деревни Испухан. деревни Исмендер, деревни Пагиш, деревни Ямаш и деревни Кадей; в 28-ое число к литургии. Почему и просил оное волостное правление означенных прихожан наших выслать к означенному числу. Села Шумшеваш священник Семен Дмитриев Беляев. Тогож села священник Лев Муратовский. 1837 года июня 24 дня" [2]).

---

[1]) В былые годы волостные правления извещались не только о предстоявших посещениях епархиальных властей, но и о самых назначениях их на должности, как видно это из следующего, например, „Приказа Ядринского земского суда всем волостным правлениям":

„Указом Казанское губернское правление, последовавшим от 30 апреля за № 20, 570-м, суду сему прописывая, что Казанская духовная консистория, отношением от 6 октября (1836 года) за № 4414, требует распубликовать об определенном в Казанскую епархию его Высокопреосвященстве архиепископе Черниговской епархии Владимире Почему в сем суде приказали: о распубликовании предписать (и предписывает) оным волостным правлениям сим приказом с тем, чтоб о последующим суду сему не доносить. Мая 31 дня 1837 года. Подлинной подписал дворянской заседатель Гурылев. Скрепил секретарь Суворов. Справил помощник повытчика Южиков.

С 1838 года началась высылка в волостные правления „Казанских губернских ведомостей", с одним лишь оффициальным отделом, в котором „служебные назначения" за 1-й год еще не печатались.

[2]) Характеристику деятельности о. архимандрита Самуила см. в статье С. А. Нурминского „Инородческие приходы". Православное Обозрение. 1863 г.,

Регулирование церковными причтами жизни прихожан согласно требованиям гражданских и церковных узаконений и правительственных распоряжений вызывало, понятно, неудовольствия прихожан. В защиту церковных причтов от нарекани прихожан о. протоиерей Николаев вызвал в 1838-м году следующий „Приказ Ядринского земского суда всем волостным правлениям“:

„Сношением благочинный города Ядрина Троицкой церкви, протоиерей Алексей Николаев, последовавшим от 7-го ноября за № 62-м, суду сему прописывая, что и прежде неоднократно, а ныне еще снова строжайше обязались священно и церковно-служители чрез Святейший правительствующий Синод во первых к тому, чтобы не погребать умерших без выдержания трех суток; во вторых к тому, чтобы браки венчаны были не прежде, как после трикратной воскресной публикации о том, не знает-ли кто какового-либо препятствия к браку сему, и притом не прежде, как по обучении женихов и невест символу веры, молитве Господней и десяти заповедям; причем присланы и новые печатные формы как для метрических книг, так и для обысков, в коих велено брать ныне еще дозволение от родителей жениховых и невестиных на бумаге и от священников свидельство о бытии их у исповеди и святого причастия. А как священно и церковно-служители стали доподлинно входить во все сие, то от прихожан стали выходить за сие на них ропоты, негодование, укоризны и ненавидение, отчего священники, из опасения со стороны прихожан своих в самом деле каковых-либо неприятностей, стали доводить сие до него (благочинного). Чего ради, во отдаление в самом деле чего-либо неприятного, нужным находит сообщить (и сообщается) о сем суду сему и всепокорнейшие просит сей (суд), чрез кого следует, уверить обывателей подведомых ему селений, а именно: Балдаева, Шемердянова, Хочашева, Шумшеваш, Аликова, *Селоустья,* Шуматова, Тораева, Ядрина, Чурашева и *Вылы* (село Чемеево опять почему-то не упомянуто). Не числилось-ли оно в благочинии Козмодемьянского уезда, ввиду того, что большая часть приходских деревень села Чемеева находилось в Козмодемьянском уезде? В 50-х годах, как известно, из приходских деревень села Чемеева в Козмодемьянском уезде образовался самостоятельный „Юнго-Ядринский“ приход [1]), включив и деревни: Полянки, *Иваньково* (а не „Иваньки“, как значится выше),

---

ноябрь. Дословно воспроизведена она и в цитированном исследовании Ап. Ѳ. Можаровского, стр. 197—198. В виду приведенных документальных данных характеристика С. А. Нурминского нуждается в некоторых поправках.

[1]) В пределах Юнго-Ядринского прихода в поле, близь деревни Кубас, в 1777 году был найден *аспидный образок*, с изображением на одной стороне св. чудотворца Николая, а на другой—св. Бориса и Глеба, хранящийся в церкви села Чемеева в деревянной киоти. См. „Село Чемеево в Ядринском уезде“. Сп. Ми-

Никитино и живущих в пригороде Ядрине казенных крестьян, что были „Салдатская Пятина“ в том, что всего того требуют строгие узаконения, и притом непременно побудить и обязать их, чтобы они *1-й об „умертвии“* немедленно прежде всего давали знать священникам; *2-е „о браках“* так же давали-бы знать им же за три воскресенья, а между тем, чрез кого угодно обучали-бы родители женихов и невест помянутым предметам и заставляли бы их *„говеть“;* в свое время пред браком являлись-бы так же и невестины родители (в виду совершавшихся и теперь иногда случающихся вольных и невольных „умычек“ невест) для дачи письменных дозволений. Приказали: с прописанием сего, о внушении обязанностей, каковые должны исполнять все исповедывающие христианскую веру крестьяне Ядринского уезда, предписать (и предписывается) оным волостным правлениям циркулярно; а для наблюдения за сим и г.г. становым приставом даю знать.—Ноября 16 дня 1838 года. Подлинной подписал дворянский заседатель Гурылев. Скрепил секретарь Суворов. Справил столоначальник Альбинский. Писарь Крынецкий“.

Помехой к усвоению чувашами христианского вероучения русскими считались и продолжают считаться чувашские „ёмзи“, т. е., знахари, ворожецы обоего пола. По Ядринскому уезду „емзи“, если не ошибаюсь, больше чем в других уездах подвергались преследованиям. Об этом свидетельствуют следующие документы:

1. Запись в „исходящей“ книге Шуматовского волостного правления на 1830-й год следующего содержания: „№ 1-й. Сентября 5. Рапорт правящему должность Ядринского земского исправника Козмодемьянского суда г. дворянскому заседателю Телякову на приказ № 28-й о том, что *по Шуматовской волости чувашских йомзей по дознаниям не открылось*“. (Отправлен) „с сельским старостой Григорьевым“.

2. Приказ Шуматовскому волостному правлению исправника Головкинского от 1-го июля 1837 года за № 265-м“ такого содержания: „села Шумшеваш священно-церковно-служители, представя ко мне того села женку, *вдову* Марину Иванову, называя ее йомзею, жалуются, что она *совращает народ* своим *гаданьем;* но ника-

хайлова (чувашин-этнограф, уроженец дер. Кубас). Казан. губ. ведомости, 1858 г. №№ 6, 8 и 9. По определению академика И. И. Срезневского, аспидные образки употреблялись русскими в XII—XIII столетиях. См. „О русских древностях Казанской губернии и средняго поволжья до XVI века“. Труды IV археологического съезда, бывшаго в 1879 году в Казани. Казань. Т. I, стр. 15—19. Указываемый образок занесен был в пределы Ядринского уезда, несомненно, во время походов русских против болгар (чуваш). Подтверждением этому предположению могут служить древние городища в Ядринском уезде, обнаруженные писущим эти строки и священником села Большой Шатьмы Н. А. Архангельским в числе более 10-ти.

ких на то доказательств не представили. А потому, обращая ее для водворения в жительство, оному волостному правлению предписываю внушить обывателям, дабы они имели за нею присмотр, с тем, буде оная в нем будет замечена, то со описанием обстоятельств и ея действий, представить в земский суд. Исправник Головкинский".

3. В 1841-м году чувашка Наталья Петрова села Хочашева, Ядринского уезда, за искусство „шăй тытмà", т. е. держать (привязанный к нитке вощаной или хлебный) „шарик", по решению суда, была заключена на покаяние в Казанский женский монастырь [1]).

Профессия „ёмзей" некогда интересовала и пишущего эти строки и он, на основании собранных им данных, пришел к заключению, что профессия эта имеет в своем основании не религиозные побуждения, а удовлетворение житейских нужд. „Ёмзят" у чуваш в преобладающем большинстве случаев одиночки бедняки мущины, особенно же вдовы женщины, неимеющие мужских рабочих рук. Какого-либо вероучения чувашские „ёмзи" не только не распространяют, но приобретенные ими знания для своей профессии, как и русские „знахари", держат от всех в секрете. Христианскому вероучению „ёмзи" мало того что не противодействуют, но сами рекомендуют обращающимся к ним, в случаях болезней, посетить ту или другую из известных им христианских святынь (чаще всего церковь в селе Ишаках) и поставить в них на ту или другую сумму восковых свечь. Правда, при этом „ёмзи", как и их клиенты, к ликам святых на иконах относятся с теми же воззрениями, какие им присущи относительно „киреметей" [2]); но тут, по моему, уже не вина „емзей", что книжка „О загробной жизни", поучение православной церкви, на чувашском языке появилась лишь в недавнее время. Об этой книжке позволю заметить, что ее, как мне лично известно, и старые и молодые чувашские грамотники читают теперь буквально „на расхват". В силу тех же старинных воззрений, как недавно сообщалось в корреспонденции из села Шуматова, чуваши для излечения болезней и сейчас прибегают к безплатной земской медицинской помощи не прежде, как

---

[1]) „Казанский Богородицкий девичь монастырь". Священника Е. А. Малова. Казань. 1879 г. стр. 122 и 124.—„Материалы к об'яснению старой чувашской веры". В. Магницкого. Казань. 1881 г. стр. 17.

[2]) С какими приношениями и мольбой приезжают чуваши на богомоленье в село Ишаки и какие понятия соединяют они с именем св. и чудотворца Николая—см. в №№ 160—162-м издававшейся в Казани газеты „Камско-Волжское Слово" за 1882-й год ст. „Чувашский край". В этой статье об обстоятельствах обретения ишаковской святыни (аспидный образок) приводятся такие подробности, каких нет в известиях, проникших в печать ранее.

будут выполнены обряды, практиковавшиеся в данных случаях в старину [1]).

Считаю уместным сказать здесь несколько слов и о чувашских *„киреметях"*.

Обще-инородческое Казанское слово: *„киреметъ"* обычно переводится на русский язык неопределенным выражением *„злой дух"*. Посильное изучение верований чуваш (а также, для сравнения, черемис, вотяков и старокрещенных татар) в загробную жизнь умерших привело меня к убеждению, что словом: „киреметь" у Казанских инородцев называется своеобразный культ „праотец, отец и братий"—и вот каким образом. По верованиям чуваш, умерший, без различия вероисповедания и народности, и в загробной жизни (тамыкрà) сохраняют все те жизненные потребности, какие были им присущи при жизни. Так, между прочим, умершие девочки и мальчики, по верованиям чуваш, по достижении в загробной жизни брачного возраста, первые выходят замуж [2]), а вторые женятся; чувашские матери и сейчас поэтому напутствуют умерших девиц и холостых парней наставлением, чтоб первые вышли в загробной жизни замуж, а вторые женились; а так-бы (безбрачными) там не жили [3]). По верованиям чуваш, в „тамыкра" темно, холодно и голодно; а между тем своекорыстные люди умерших скупо снабжают при похоронах тем, что необходимо им в загробной жизни, скоро забывают их и перестают совсем делиться с ними своими жизненными благами. Особенно неприглядно по представлениям чуваш положение в загробной жизни умерших безродными (камалзыр виле), которых некому поминать. Из-за этого „прежде почившие праотцы, отцы и братия" постоянно и враждуют с живыми, злобятся на них. Злобу свою „покойники" проявляют тем, что после безплодных напоминаний живым в сновидениях о своих голодовках, путем подкупа кладбищенских начальников, получают от них позволение отлучиться из „тамык'а" и тайно навестить своих родных или просто однодеревенцев в местах их жительства в внеурочное время, т. е. не в установленные дни „поминок" покойников и, добравшись до них, за непочтение к ним, покойникам из места насылают на их домашний скот и на них самих болезни и даже „умертвие", как выражались в былые годы в земских судах, что, в свою очередь, у чуваш выражалось словами: „киреметь тытре"—киреметь поймало, или, как русские в насмешку в былые годы

---

[1]) „Волжский Вестник", 1898 г. № 142.

[2]) Из быта чуваш Казанской губернии (Ирихи.—Киремети.—Браки). В. Магницкого. „Этнографическое Обозрение" (журнал). Москва. 1893 г. кн. XVIII.

[3]) Верования чуваш в значение нравственной чистоты девушек в загробной жизни см. „Материалы к об'яснению старой чувашской веры". В. Магницкого, стр. 141—142.

выражались, „заломала". По свойству злобы „покойники" (киремети) различаются чувашами: 1-е „хаяр"—злобные, жадные, требовательные; 2 йиваш (по Сбоеву ьиваш)—кроткие, довольствующиеся тем, что им дадут; и 3. Ырасем (иначе—„ирзам")—добрые, снисходительные. Неизвестный автор статьи о чувашах конца XVIII столетия [1]) принимавший имя прилагательное ир'зам (множест. число от ира, ырă—добрый) за собственное имя, из числа „ирзам" упоминает следующих: 1, „вылры ирзам" (т. е. Вильские, или на р. Выле живущие добрые); 2, „сивя Зинзи ирзам" (на р. Свияге добрые); 3, „адал зинзя ирзам" (на Волге добрые) 4, „челна зинзи ирзам" на р. Челне [2]) добрые); 5, „султон(?) ирзам (султон—искаженное до неузнаваемости выражение); 6, „миндюба ирзам (на большом холме (кургане?) добрые) 7, „ас(ла)куль вар ирзам (в овраге с большим озером добрые) и т. д. и т. д. Перечисленных „добряков" (ирзам) неизвестный автор относит однакож к разряду „злых духов", по чувашски-де „кереметь", и делит их на три разряда. В первый разряд он относит самого главного, по его словам, Вылры ирзам, коего-говорит он и они (чуваши) почитают—прошу заметить—*отцем всех керемет*ей и сказывают, что он име(л)ет двух сыновей, из коих один называ(лся)ется *„сивя зинзи ирзам"*, а другой—„челна зинзи ирзам". Вторым в 1-м разряде" у него значится *„Чемен"*. Во 2-м (среднем) разряде у него под № 2-м значится: *„малим хозя"*.

Про „Чемена" неизвестный автор в другом месте своей статьи (см. 25-ю и 26-ю страницы цитированной брошюры) говорит следующее: *„Чемен*, по сказанию чуваш, был житель деревени Юхмы, в Буинской округе, и почитался от народа юмзей. По смерти (при жизни?) он завещал своим родственникам, чтобы они, по кончине, его не хоронили на общем кладбище, а положили на поле, на особом месте, им от него указанном; и что он будет у них (родственников?) ирзамом (это Чемен едва-ли завещал?). Родственники исполнили его завещание. Чуваши же, по суеверию своему, включа его по смерти в число злых богов(?), считают из всех (покойников?) самым злейшим" и т. д.

В. А. Сбоев придававший статье неизвестного автора „О чувашах" особенно важное значение и в значительной мере воспользо-

[1]) См. „Северный Архив" (журнал). 1827 г. Кн. IX, X, XI. По нашей инициативе статья „О чувашах" перепечатана в 1888 году в „Казан. губ. ведомостях" и редакцией их издана отдельной брошюрой, в количестве 100 экз., под заглавием: „О чувашах. Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия. С предисловием и примечаниями В. Маганицкого. Казань. 1888 г. стр. 21. Автором был Милькович Симб. землемер. Н. Ник.

[2]) Речка Челна (по башкирски Чаллы)—приток слева р. Камы,—впадает выше г. Елабуги, вытекая из Мензелинского уезда, Уфимской губ. На устье ее расположены два русские села: Верхние и Нижние Челны, в которых производится обширная закупка хлеба. Ранее здесь был монастырь, разрушенный башкирами.

вавшийся ею в своем „исследовании об инородцах Казанской губернии". Казань. Издание книгопродавца Дубровина 1856 г. ни об "ирзамах", ни о Чемене, ни о Малим хозя не говорит в главе о киреметях ни слова,-потому, вероятно, что он считал киремети продуктом божественного происхождения (см. его легенду о происхождении киреметей на стр. 110—111 цитированного его „Исследования". В свою очередь неизвестный автор об описанных В. А. Сбоевым на 113—124 стр., под №№ 6 и 6-м ьиваш—керемет" и „Хаяр—кереметь также ничего не говорит.

Упомянутый неизвестным автором „Малим хозя", по исследованию Н. И. Золотницкого, оказался *магометанским святым*" Ма'люм ходжа", могила коего находится близь пригорода Билярска, Чистопольского уезда [1]).

В Ядринском уезде этот „Ма'люм ходжа" известен чувашам под именем *„Валем хозя"* и считается *„хаяр"*—злым. Таким же „хаяр" считается и популярнейшая в Ядринском уезде „Сбрым—киреметь". К сожалению, я не имел случая дознаться, близь какого именно селения в чувашско-Сорминском приходе и какое урочище называется „Сорым—киреметь". По некоторым данным, имеющимся у меня в виду, я предполагаю, что „Сорым", именем которого, как я уже сказал выше, называются семь сельских обществ, при жизни владел обширной земельной собственностью и был, вероятно, влиятельной „хозя" (персид. „ходжа") [2]).

В пределах Ядринского уезда чуваши продолжают оставлять медную монету, восковые свечи и кусочки белого хлеба на тех местах, где в 1774-м году „пугачевцами", после разгрома ими Казани, были казнены повешением некоторые сельские священники и миряне; имена их, к сожалению, остаются неизвестными. В приходе села Шуматова мне с детства известно урочище под названием *„поп хорамы"*—попов вяз, на котором, по преданию, был за что-то повешен пугачевцами неизвестный по имени священник [3]). Иначе тоже урочище называется по чувашски *„поп çакнă вырăн"*—место повеше-

---

[1]) „Материалы к об'яснению старой чувашской веры". В. Магницкого. (Издание комисси противумусульманского сборника при Казанской духовной академии). Казань. 1881 г., стр. 68—76.

[2]) В 1-й четверти истекшего столетия чувашам села Преображенского, Сорма-тож, принадлежала в Курмышском уезде „отхожая дача", смежно с владениями чуваш деревень Мадиковой и Красных Четай, тогоже Курмышского уезда, в которой, на речке Ахмер'е была казенная наливная мельница на 1 постав, бывшая с 1815—1821 год за некиим Ваером. В недавние годы на этой даче поселилось несколько выходцев из Чувашско-Сорминского прихода.

[3]) В рукописном „Сунодике" 1746 г., пожертвованном переписчиком его, священником „Алатырского уезду, верх аларского стану, села Новотроецкого, Ардатов-тож", Матеем Исаевым „в Курмыцской уезд в новокрещенское село Никольское, Шуматово-тож, в церковь", имеются, между прочим, следующая

ния попа. (В соседнем селе Шумшевашах, на гумне одного чувашина указывают место под названием *„поп çапнă выран*—место сечения попа). На ½ версты выше от этого урочища, по дороге из села Шуматова в приходскую деревню Ордаш и село Шумшеваши, то место, где во время постройки каменной Шуматовской церкви поставлен кирпичный столбик—часовня, взамен сгнившего деревянного, чувашам известно под названием *„поп пытарма выран“*—место погребения попа. В полверсте на запад от первого урочища нынешней весной моими родными были найдены восковые свечи и несколько медных монет у молодого дуба, растущего в пахотном поле чуваш маленькой деревеньки Маляк. Из распросов об этом последнем урочище оказалось, что по дороге, проходящей из названной деревни, близь дуба ранее был „Часальник“, т. е. часовня. Все три названные урочища и четвертое, в ¼ версты на юг от дуба, название которому я не могу доискаться, я с братом посещал в детстве для сбора жертвенных монет, считая урочища за „киремети“. Впоследствии мой покойный родитель дознался, что на месте кирпичной часовни до „пугачевцев“ стоял дуб, на котором ими повешено было 30-ть мирян. По преданию, погребены они на том же месте, где священник.

Что чуваши доподлинно обманывают своих „покойников“ (киремети), видно из того, что вместо подлинной золотой и серебряной монеты они давно уже приносят в жертву „киреметям“ так называемые „нохрат-ки“ и „тухлан-ки“, т. е. жестяные и оловянные кружечки, на подобие мелкой серебряной монеты; домашних животных и птиц заменяют изображениями их, сделанными собственноручно из теста или из кусков липы, или же покупают эти

запись: „помянуть Шуматовских иереев: Гаврила *убиен.* Василия, Сергия, Якова“. Судя по почерку, запись сделана рукой священника Андрея Степанова (Вишневского), подписи коего в метрических книгах, хранящихся в церкви села Шуматова, встречаются с 1790 г. до августа 1815 г. Любопытно, что о. Андрей в церковных документах подписывался просто „Андрей Степанов“; в волостном же правлении за неграмотных он подписался: „Андрей Вишневский“. Какого „Гавриила убиен.“ он имел в виду—неизвестно. Если не ошибаюсь, самый древний документ в Шуматовской церкви—метрические книги“ с 1780 года. Время постройки первой церкви в селе Шуматове определяется по следующей надписи в старых печатных богослужебных книгах: „Сия книга, по присылке из Московской типографии и по приказу преосвященного Вениамина, Епископа Нижегородского и Алаторского, отдана из духовной его преосвященства консистории безденежно февраля 22 дня 1749 года Курмышского уезда в новокрещенское село Никольское, Шуматово-тож, к новостроенной у новокрещенных церквей“. Сунодик, вопреки надписей, неизвестно-кем и когда перенесен в церковь села Хочашева, где сейчас и хранится. Как видно из разновременных надписей на нем, переписчик его, священник Матвей Исаев впоследсвии был иеромонах Мочай и скончался „1754 г. августа в 4-й день в д-хове мнтре в городе Алатыре“.

изображения в уездных городах у продавцев детских игрушек; а на изготовление каши и пива для угощения завертывают в тряпочки, перевязанные ниткой, по щепотке: крупы, муки, солода, хмеля и углей, с добавлением иногда подлинной медной монеты, что все тайно от „киреметей", с соблюдением разных предосторожностей, чтобы „киреметь" не застигла жертвоприносителя на месте, и оставляют в обычных местах жертвенных им приношений. Отчасти из страха столкнуться с „киреметью", чаще же по недосугу, предназначенные в жертву „киреметям" узелки с перечисленными продуктами чуваши подбрасывают во двор кому-либо из своих однодеревенцев. Нашедший такой узелок, если не находит времени отправить самолично подброшенное по назначению, может и сам подбросить кому-либо другому, но не иначе как в удвоенном уже количестве. В Ядринском уезде жертвенные приношения „киреметям" отправляются и „по почте", т. е., оставляются у стволов берез, посаженных по сторонам Цивильско-Ядринского транзитного тракта, где весной, по стаянии снега, и сейчас приходящие в пределах Шуматовского прихода находят во множестве рассыпанные или завернутые в тряпочку или бумажку упомянутые выше „тухланки" и „нохратки", а подчас и подлинную мелкую серебряную монету. Из былых добросовестных приношений инородцев „киреметям" подлинной серебрянной монеты в местах жительства чуваш, черемис и вотяков образовались настоящие „клады", особенно часто находимые в Вятской губернии.

Веру в общераспространенное толкование слова: „киреметь" во мне поколебали, во 1-х, рассказы о некоторых урочищах, известных под именем „киреметь", с указанием на смерть на них кого-либо от разных причин, во 2-х, личные имена некоторым „киреметям", и в 3-й то, что местом жертвенных приношений „киреметям" чаще всего служат: „курганы" (по чувашски „Олып тупры" или „Тюмески"), „древние городища, под разными именами, покинутые „кладбища" и бывшие „селища", а также „места единичных погребений".

Вопрос о „киреметях" меня интересует с 60-х годов; но я до сих пор в названиях „киреметей" не встретил ни разу личного *женского* имени. Из этого можно бы сделать вывод, что „покойницы" в быту чуваш не имеют никакого значения; но такой вывод будет противоречить легенде, приведенной в цитированной выше книге этнографического обозрения (легенда записана в Ядринском уезде). Для полного выяснения значения „киреметей" крайне желательно опубликование названий „киреметей", с описанием урочищ, на которых приносятся им жертвы, с указанием видов жертвенных приношений, из всех приходов, населенных чувашами и другими инородцами.

„Емзи", о которых шла речь выше, причастны вопросу о „киреметях" тем, что они, по просьбам суеверных больных, берутся угадывать, какая из известных им „киреметей" наслала болезнь на заболевшего и какую жертву для умилостивления „киремети" следует принести.

Нужно заметить при этом, что русские словом: „емзя" в быту чуваш называют и коновалов и костоправов, и повитух, и т. д. и т. д. Таким образом, чувашские „емзи" в очень многих случаях заслуживают не преследования, а христианской сострадательности и благотворительности. И такое отношение к „емзям" тем более желательно, что к ним за некоторые виды их деятельности само суеверное сельское население относится заочно крайне неприязненно и чуждается, по возможности, житейских сношений с ними. Если к этому прибавить еще, что от зверских расправ сельского население с мнимыми „колдунами" и „ведьмами" (по чувашски „тохатмаш") православная Русь чуть не ежегодно обагряется кровью невинных страдальцев, то вопрос о „емзях", мне кажется, должен получить иную постановку, чем какая и сейчас указывается (см. из чувашских преданий и верований" священника А. В. Рекеева, в „Известиях" по Казанской епархии за 1896—1898 годы); высказывающиеся за преследование „емзей", очевидно сами верят в мнимую их „чародейственность".....

По вопросу о *„браках"* чуваш в названном выше сочинении В. А. Сбоева, на странице 27-й, между прочим, говорится следующее:... „До обнародования ныне действующего узаконения о летах, какие должны иметь жених и невеста, *пятнадцатилетние мальчики сплошь да рядом женились на тридцатилетних дульцинеях*" и т. д. На стр. 75-й он, кроме того, привел следующее свидетельство ученого путешественника по России в XVIII ст. Миллера: „Богатые чуваши *женили* своих сыновей пяти или шести лет. Многоженство у них позволялось; но более пяти жен никто не имел". Признаюсь: сущности данного явления я не понимал до дебатов в Казанском Обществе Археологии, Истории и Этнографии, вызванных моим сообщением „Этнографическо-статистические данные о браках чуваш в Казанской губернии", в котором я, опираясь на просмотренные мной „метрические записи", и „книги брачных обысков", пытался заподозрить достоверность сообщения В. А. Сбоева. После напечатания моего сообщения [1]) я получил письменное раз'яснение практиковавшихся в данном случае приемов записей браков в „метрические книги" от одного уважаемого сельского священника [2]). Впоследствии, списывая копию с указанной выше

[1]) „Известия" Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии. Т. X, вып. 2-й. 1891 г.

[2]) „Из быта чуваш Казанской губернии". Этнограф. Обозрение. Кн. XVIII.

„Выписи из ревизских сказок 1748 года", в которой против каждого лица обозначены лета от роду, я невольно обратил внимание на то, что по летам старшие сыновья были моложе своих отцев лишь лет на 6, 7, 8, и т. д., что я и отметил в списанной мной копии [1]).

Что, так называемое в светской литературе, *„снохачество"* практиковалось у чуваш и в позднейшее время, видно из следующего документа:

„В Шуматовское волостное правление. Ядринского уезда села Шумшеваш священника Афанасья Васильева Артизанова ведение".

„Сего 1837-го года июля 4-го дня получен в наше Троицкое село указ Его Императорского Величества из Козмодемьянского духовного правления за № 194-м о высылке прихода моего деревни Атьмень [2]) из чуваш крещеного Ивана Алексеева в город Чебоксар в Троицкой монастырь под эпитемью за кровосмешение снохи его родной Орины Васильевой; а сноху его Васильеву в город Свияжск Иоанно Предтеченской девической монастырь; которые и препровождаются в оное волостное правление с тем, дабы немедля оное правление при своем сношении представило показанных людей в назначенные монастыри. 1837-го года 5-го июля. Села Шумшеваш священник Афанасий Васильев Артизанов".

Чуваши не чужды и порока *„скотоложества"*. К сожалению, библиографические записи судебных хроник по делам о скотоложестве, разбиравшимся в выездных сессиях Казанского окружного суда, по которым обвинялись чуваши, у меня утратились. Повод к речи о данном пороке для меня послужил следующий „Приказ из Ядринского земского суда Шуматовскому волостному правлению за № 4203-м.

„Господин пристав 1-го стана Михайлов, при рапорте от 27-го августа за № 648-м, в суд сей представил дело, наченьшееся по рапорту оного правления, от 27-го августа за № 196-м, о выкинутом коровою теленке с головою на подобие человеческой, по коему в сем суде резолюциею заключено: Из обстоятельств дела сего ничего не видно, чтобы крещеный Андрей Никитин был приличен в подозрении *скотоложества*, а выкинутой коровой теленок ничего не означает человеческого, кроме одной уродливости; почему теленка предать земле, а дело почислить решенным. О чем дьячку с женкою Анною чрез оное волостное правление об'явить с подпискою и чтоб оная представлена была в сей суд. Ноября 29 дня 1838 года.

---

[1]) Копия с приложением к ней алфавита языческих имен чуваш, упоминаемых в „Выписи", доставлена в Синбирскую губернскую ученую архивную комиссию.

[2]) По чувашски—Этмень.

Уездного суда заседатель Бобылев. Секретарь Суворов. Столоначальник Золотницкий [1]).

За время с 1838—1854 год в архиве Шуматовского волостного правления сохранилось несколько распоряжений, направленных против уклонения населения г. Ядрина и Козьмодемьянска с их уездами от „*исповеди*“ и „*св. причастия*“. Приведу их сполна, в хронологическом порядке. Вот они:

1. „Приказ Ядринского земского суда всем волостным правлениям“.

„Сношением Козмодемьянское духовное правление, последовавшим от 9-го августа за № 308-м, суду сему из'ясняет, что Казанская духовная консистория, вследствие представляемых духовными правлениями о небывших у исповеди и святого причастия разного звания людях регистров, указом от 20 минувшего июля сего года за № 3734-м, с утверждения Его Высокопреосвященства, оному правлению предписала, чтобы приходские священники неупустительно наблюдали, дабы все прихожане без отлагательства ежегодно исповедывались и святых таин по удостоению приобщались; а тех из них, в коих будет оказываться опущение сего христианского долга, старались благовременно пастырскими своими увещаниями побуждать быть в исполнении того рачительнее; над кем же такокые увещания не будут иметь желаемого действия, особенно если заметят, что сие происходит от охлаждения к православию, о таковых неупустительно доносили-бы эпархиальному начальству для принятия надлежащих мер к удержанию их в православии, об'ясняя притом обстоятельно: сколько годов кто не был у исповеди и святого причастия; какие меры употребляемы были ими, священниками, к убеждению сих нерадящих о спасительном долге; было-ли и со стороны местного гражданского начальства употреблено при сем случае содействие к побуждению их о исполнении сей душеполезной и спасительной обязанности; при сем дано оному правлению знать, что из оной духовной консистории сообщено и в губернское правление, с тем, дабы оно, на основании 21 и 23 статей 14-го тома свода законов, с своей стороны благоволило (предписать) суду сему иметь наблюдение, чтобы лица, им подчиненные, непременно сей долг исполняли, нерадеющих же начальственными мерами побуждали к исполнению сей христианской обязанности. По которому указу в оном правлении заключено: Опубликовать указ сей по всему ведомству оного духовного правления, обязав священников подписками в слышании и исполнении по оному своих обязанностей

[1]) В 1843-м году был приставом 1-го стана Ядринского уезда. Если не ошибаюсь, бывший столоначальник, а потом становой пристав Золотницкий, был родной брат упомянутого выше священика П. П. Золотницкого.

в отношении к уклоняющимся от исповеди и святого причастия из своих прихожан; о внушении же к исполнению сего христианского долга всех церквей прихожанам и со стороны местного гражданского начальства сообщить (и сообщено) в суд сей и просить сей опубликовать с своей стороны всем подведомственным поселянам прописанные в 14 томе свода законов правила, собрав для сего людей в (городах) в городнические, а в уезде в волостные правления с назиданием исполнения сего и при выдаче им паспортов на отлучки из жительства своего. Приказали: предписать (и предписывается) оным волостным правлениям циркулярно, чтобы каждое, собрав обывателей, внушило им, чтобы они исполняли каждогодно прописанные в 14-м томе свода законов правила, а особенно уклоняющимся от сего прихожанам. Августа 27 дня 1838 года, № 2958-й. Подлинный подписан: в должности исправника Гурылев. Скрепил секретарь Суворов. Справил столоначальник Альбинский [1]). Писарь Крынецкий".

2. Приказ того же земского суда всем волостным правлениям следующего содержания:

„Указом Казанское губернское правление, последовавшим от 5 сентября за № 3384-м, суду сему прописывает, что Казанская консистория, при отношении от 25 ноября 1837 года за № 5824 м, препроводила в оное правление на рассмотрение регистры о небывших у исповеди и святого причастия по городам Козмодемьянску и Ядрину с их уездами людях в течении 1837 года. Свода законов тома 14-го, устава о предупреждении и пресечении уклонения от исповеди и святого причастия в статьях из'яснеяо: 19. „Всякий православный должен хотя однажды в год исповедываться и приобщаться св. таии по обряду христианскому в посте или в иное время." 21. „Внушение об исполнении сего священного долга хотя более принадлежит приходским священникам, но гражданское и военное начальство так же наблюдает, чтобы лица подчиненные непременно сей долг исполняли." 22. „Приходские священники о всех прихожанах, небывших у исповеди, обязаны доставлять в губернское правление достоверные имянные ведомости." 23. „Кто из принадлежащих к православной церкви будет уклоняться от исповеди и причастия по нерадению, небрежению или по другим незаконным причинам, на таковых, с ведома епархиального архиерея, налагается церковная публичная эпитимия, без отлучения однакож должностных (лиц) и поселян от домов, под смотрением приходских священников, сельских или волостных начальств, а в городах при посредетве начальства по состоянию каждого." 24. „Кто

[1]) В 1849-м году Альбинский состоял приставом 1-го стана Ядринского уезда.

в исполнении церковной эпитимии будет упорствовать или вовсе удаляться от исповеди и причастия, то (тех) отсылать к суду духовному." Определено: Присланные из Казанской духовной консистории регистры о небывших в 1837-м году у исповеди и святого причастия людях отослать в Козмодемьянские и Ядринские градские и земские полиции при указах с тем, чтоб они значущимся в них небывшими в 1837-м году у исповеди и святого причастия людям внушили о непременном исполнении сего христианского долга, об'явив им, что в противном случае поступлено будет с ними по 23 статье 14 тома свода законов. Приказали: О об'явлении сего указа, с прописанием оного, жителям Ядринского уезда предписать (и предписывается) оным волостным правлениям. Сентября 27 дня 1838 года. Подлинной подписал: исправник Головкинский. Скрепил за секретаря Альбинский. Писарь Крынецкий."

Из нижеследующих документов видно, что жители Шуматовской волости (чуваши) продолжали уклоняться от исповеди и св. причастия и в последующие десятилетия. Так, в 1849-м году в „Шуматовское волостное правление" было прислано следующее сообщение „села Шумшеваш Троицкой церкви иерея Громова с причтом" от 10 июня за № 13-м:

„Относясь в оное правление о высылке крестьян в церковь для говения, исповеди и святого причастия, как в прошлую св. четыредесятницу, от 18 февраля за № 2-м, так и недавно, в мае 31 дня за № 9-м, мы до сих пор не видим почти никого явившихся в церковь для исполнения сего долга, необходимо нужного для каждого христианина. Оное правление, не внемля нашим отношениям, презирает как предписание палаты государственных имуществ, так и самые законы. Кроме того, *крестьяне деревень: Пагиш, Ямаш и Исмендер, по сделанному ими в 1841-м году общему языческому „Чуку", по имянному повелению, преданы, в отношении их религиозности, под особенный надзор как духовного, так и светского начальства* [1]). Ныне же, в сем 1849 году, из означенных деревень, состоящих не менее двух сот человек, явилось в церковь всех только *восемь* человек, не смотря на все мои убеждения и склонения их ходить в церковь для исполнения выше означенного долга христианского. Такая невнимательность и безпечность волостного правления крайне вынуждает нас доводить о сем до сведения высшего начальства, если только и после сего отношения не будет говельщиков. Волостные же правления, как видно из 14 тома свода законов, 21 и 23 статей, обязываются подобным предметом. Также прошу выслать прихожан из деревень Шор-касов и Якей-

[1]) Об этом крупном событии ни в миссионерской, ни в этнографической литературе, если не ошибаюсь, ничего неизвестно.

киной, из коих говевших было только *шестнадцать* человек обоего пола,—количество весьма недостаточное."

„О чем имея честь отнестись в оное правление, о имеющем быть распоряжении прошу уведомить. Села Шумшеваш Иерей Евграф Васильев Громов. Дьячек Афанасий Васильев Софотеров".

От 1854 года в архиве Шуматовского волостного правления сохранилось особое дело под таким заглавием: „Дело 1854 года Ядринского округа Шуматовской волости Багишевского (т. е. Пагышского) селского правления. „О понуждении казенных крестьян к исповеди и св. причащению в четыредесятницу 1854 года № 11. Началось 9 марта 1854 года. Кончилось 24 марта 1854 г. На четырех листах". В состав этого дела, при коем имеется особая „Опись бумагам, в деле сем содержащемся», вошли следующие предписания Шуматовского волостного правления Багишевскому сельскому правлению:

1. „От 8 марта 1854 года за № 403: Села Хочашева священно-церковно-служители, в отношении своем от 1-го марта прописывая, что на пастырские их внушения и убеждения к исполнению обязанности христианской касательно бытия у исповеди и святого причастия каждого их прихожане делают им нерезонные отзывы, как-то некоторые отзываются своими недосугами, раз'ездами и надеждою исполнить христианский долг на будущее время при продолжении поста; а другие, вышед как-бы из терпения, уклоняются, говоря: доколе нас будут к тому побуждать? все каждогодно исповедайся и приобщайся!.... Чрез что самое и остаются неисполнителями сего наиважнейшого христианского долга".

„В следствие чего волостное правление предписывает сельскому правлению понудить крестьян прихода села Хочашева, деревень Ямашевой и Кадеевой, равно и прочих всего общества, чтобы они непременно исполнили христианский долг в продолжении текущего поста.—Волостной голова Лев Григорьев за неграмотностию приложил печать. Писарь Макаров".

На этом предписании имеется резолюция, писанная, повидимому, рукой „сельского писаря". „Согласно предписания приказать десятским всех вообще селении о непременной высылке крестьян для исполнения христианского долга, о чем с своей стороны буду иметь наблюдение. Кандидат старшины Григорий Данилов приложил печать".

2. От 15 марта 1854 г. за № 421-м: „Вследствие предписания Ядринского окружного управления, от 2 сего марта за № 1216-м, волостное правление строжайше подтверждаст сельскому правлению мерами закона понудить казенных крестьян к исповеди и св. причащению в продолжении настоящей святой четыредесятницы,

не ожидая более по сему предмету предписаний. Волостной голова Лев Григорьев. Писарь Макаров".

Здесь имеется резолюция: „Строго приказать десятским селений, чтобы они выслали крестьян для говения всех без из'ятия, за чем я с своей стороны наблюдал. Кандидат старшины Григорий Данилов приложил печать. Приказано 18 марта".

3. От 22-го марта за № 564-м: „Неоднократно было уже предписываемо сельским правлениям о побуждении казенных крестьян в настоящую четыредесятницу к говению, но за всем этим оные, как видно из получаемых от священников отношений, заботятся весьма плохо. Посему волостное правление в последний раз подтверждает сельскому правлению о выполнении прежних по сему предмету предписаний с тем, что если кто из крестьян обоего пола, начиная с 7-летнего возраста, не исполнит христианской обязанности говенья, то о сельском старшине, как ослушнике и неисполнителе предписаний, будет донесено господину окружному начальнику.— Волостной голова Лев Григорьев приложил печать. Писарь Макаров [1])".

Помета: 24 марта 1854 г. Резолюция: „Для побуждения крестьян отправлюсь я ныне же. Кандидат старшины Григорий Данилов приложил печать".

По вопросу о „говении" не только сельское духовенство, но и русских мирян, живущих среди чуваш, крайне смущало и продолжает смущать употребление чувашами, не только в посты, но и во время самого „говения", скоромной пищи; особенно же мерзило и мерзит" русских употребление чувашами в пищу *„конины"*, или, выражаясь вульгарно, „кобылятины", В какой форме проявлялось это омерзение, видно из следующего документа:

„М. Г. И. [2]) Ядринское окружное управление 5 марта 1847 г. № 752. Шуматовскому волостному правлению".

---

[1]) Макаров Яков Иванович происходил из мещан г. Ядрина и до поступления в село Шуматово служил в Убеевском волостном правлении. В Шуматове он перечислился в крестьяне и для жительства купил одноэтажный дом с усадьбой бывшего священника Петра Стефановича (отца известной Казанской благотворительницы Ю. П. Постниковой (по воспитателю)—Годяевой). Избранный „волостным головой", Я. И. Макаров купленный дом увеличил надстройкой 2-го этажа, в который перевел квартиру волостного правления, а во дворе построил из бревенчатых половинок наемное помещение для Шуматовского „сельского приходского" училища, отличавшееся холодом, сыростью и угаром (см. Женские чувашские школы в Ядринском уезде". С. У. Казан. губ. вед. 1861 г. № 9). По открытии земских учреждений, он одно трехлетие состоял членом Ядринской земской управы, а потом смотрителем Ядринской больницы. Помер вне службы, в Шуматове, где схоронен на старой церковной ограде, на которой погребаются священники и другие почетные прихожане из мирян.

[2]) Т. е. Министерство Государственных Имуществ.

„*Чиганарское* волостное правление [1]) рапортом, от 10 февраля за № 60-м, донесло (управлению), что деревни Токшиховой, околодка Анат—касов, крестьянин Семен Иванович *заколол лошадь и употреблял в пищу,* о чем донесено от него для произведения следствия местному становому приставу. По подобному сему делу Казанская палата государственных имуществ, от 19 мая прошлого 1839 года с № 2022-м, с предписания департамента государственных имуществ, дала знать (управлению), что употребление в пищу лошадиного мяса не есть преступление, с чего в тоже самое время дано было знать всем волостным правлениям предписаниями, от 24-го мая 1839 года, дабы они о подобных делах доносили только окружному управлению, не давая знать становым приставом".

„По сему предписываю волостному правлению первое предписание окружного управления по сему предмету выполнять в точности. Окружный Начальник Ивановский. Письмовод. Алексеев [2])"

В. Магницкий.

Василий Константинович Магницкий родился 4 марта 1839 года в с. Ядрине, Ядринского уезда, Казан. губ. Детство свое провел в кругу русских и чувашских детей. Первоначальное образование получил в местном начальном училище, а потом в Чебоксарском духовном училище и Казанской духовной семинарии. Окончив 4-й класс семинарии В. К. Магницкий с некоторыми другими товарищами „со страхом и трепетом" стал проситься уволить его из семинарии в Казанский университет. В 1856 г. В. К. М. уже студент юридического факультета, а в 1860 г. в звании кандидата прав занимает должность судебного следователя во 2-м участке Чебоксарского уезда. Здесь жили русские, чуваши и отчасти татары. В. К. Магницкий живо интересовался каждою из этих народностей и записывал свои наблюдения, не откладывая в долгий ящик, сличал с новыми данными, проверял их, и только после окончательной проверки материала начиналось изложение для печати. В. К. М. одинаково серьезно относился и к данным местной устной народной словесности и к тем актам, которые он находил в местных учреждениях и частных руках. Часть добытых материалов В. К. М. поме-

[1]) Вот доказательство двойственности употребления двумя учреждениями названия одного и тогоже села: „*Вила*"=по духовному ведомству, „Чиганары"— по гражданскому.

[2]) Бумаги, исходившие из Ядринского окружного управления, оказываются писанными нередко по карандашным графам, рукой, видимо, мальчиков, набранных, вероятно, для подготовки их в сельские и волостные писари. Масса ошибок, какие они делали в переписываемых бумагах, с искажением смысла последних, окружными начальниками и их письмоводителями по каким-то побуждениям оставлялись в полной их неприкосновенности.